

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62
P59

Роговин, Вадим Захарович.

P59 Главный враг Сталина. Как был убит Троцкий / Вадим Роговин. — Москва : Алгоритм, 2017. — 240 с.

ISBN 978-5-906979-91-9

Вадим Захарович Роговин — российский историк, социолог и публицист, главной темой исследований которого были 1930-е годы в СССР.

В этой книге показано противостояние двух вождей коммунистической партии — И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого. Оно не закончилось после высылки Троцкого из СССР в 1929 году, наоборот, стало еще более острым. Троцкий резко выступал против политики Сталина, печатал разоблачающие документы, организовывал сопротивление сталинскому режиму. Неудивительно, что на Троцкого устраивались покушения. В 1940 году одно из них стало удачным.

В своей книге Вадим Роговин не только приводит факты и документы об этой борьбе и самом убийстве, но и подробно анализирует причины конфликта между Сталиным и Троцким.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-906979-91-9

© Роговин В.З., правообладатели, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Роговин Вадим Захарович
ГЛАВНЫЙ ВРАГ СТАЛИНА
КАК БЫЛ УБИТ ТРОЦКИЙ

Редактор *О.В. Селин*

Художник *И.М. Хотич*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.09.2017.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-91-9

9 785906 979919 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Сталин против оппозиции	10
Высылка Троцкого из СССР	17
Призывы «убрать Сталина»	23
Троцкистское подполье	28
Троцкий интернирован	39
Антисталинский блок	47
«Антисоветский троцкистский центр»	57
Троцкий в Мексике	79
Смерть сына Троцкого	89
Заграничные убийства	106
Троцкий под прицелом НКВД	118
Троцкий пишет книгу о Сталине	129
Убийцы Троцкого	138
Подготовка к убийству	160
Покушение 24 мая 1940 года	166
Роль Роберта Шелдона Харта	170
Версия о «самопокушении»	174
«Коминтерн и ГПУ»	180
Убийца в доме Троцкого	187
Последний день	197
Письмо убийцы	201
Сталин после убийства Троцкого	208
Борьба с «троцкистами»	213
после смерти Троцкого	213
Примечания	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зачастую в зарубежной и советской исторической литературе развязанный Сталиным с конца 20-х годов государственный террор рассматривался как закономерное продолжение борьбы большевиков с противниками Октябрьской революции в годы гражданской войны. Такое отождествление сознательно скрадывает коренные отличия в масштабах, функциях и объектах политических репрессий в ленинскую и сталинскую эпохи. Репрессии времен гражданской войны осуществлялись большевиками при активной поддержке масс, в обстановке, когда партия и ее вожди разделяли с народом его жертвы и лишения. Удары наносились по силам старого режима, имевшим в своем распоряжении превосходно вооруженные и организованные армии, получавшим огромную материальную и финансовую помощь из-за рубежа. Непосредственные боевые действия против белых армий дополнялись борьбой с заговорами в тылу (во время гражданских войн разграничительная линия, отделяющая фронт от тыла, является вообще условной), служившими той же цели — контрреволюционной реставрации, т. е. восстановлению привилегий бывших господствующих классов царской России.

В отличие от этого «террор 30-х годов был хранителем неравенства. Уже самим своим характером он был антинароден, и, будучи потенциально и действительно направленным против большинства, он был тотальным и огульным». Приведение в действие с начала коллективизации гигантского репрессивного государственного механиз-

ма «привело к постоянным инъекциям таких чудовищных доз страха в такие обширные части социального организма, что отравленным неизбежно оказалось все тело. Стоило пустить в ход машину террора, превышавшего по размерам все виданное дотопе, как она развила собственную инерцию, не поддававшуюся контролю»¹.

Сразу же после окончания гражданской войны политические репрессии резко пошли на убыль. В середине 20-х годов количество заключенных в советских тюрьмах и лагерях не превышало 100–150 тыс. человек. Из этого числа лишь несколько сот были осуждены по политическим мотивам. С 1928 года население лагерей стало неуклонно расти, достигнув в 1934 году более полумиллиона человек. Свыше четверти от этого числа составляли политические заключенные.

Репрессивные кампании Сталина вытекали из его страха не только перед крестьянством, но и перед рабочим классом и прежде всего его революционным авангардом — левой оппозицией. Все нараставшая волна массового насилия была направлена не против врагов Октябрьской революции, а против врагов, которых создавал сам сталинский режим: крестьян, сопротивлявшихся насильственной коллективизации, и участников коммунистических оппозиций.

Своей авантюристической политикой в области экономики и массовыми репрессиями Сталин непрерывно добавлял к изначальным врагам Советской власти все новые и новые тысячи ее действительных и потенциальных противников, отождествлявших социализм со сталинским режимом.

Одновременно с ударами по крестьянству — наиболее массовой силе сопротивления сталинскому режиму — жестокие удары наносились и по коммунистам, «виновным» в

нерешительности либо, напротив, в последовательности и усердии при проведении продиктованной Сталиным политики. Списание ответственности за провалы своего политического курса на его исполнителей было неизменной чертой сталинского правления.

Массовые репрессии не избавляли от дальнейших экономических провалов, а способствовали их приумножению. Авантюристические и произвольные решения выполнялись лишь частично и при этом неоправданно высокой ценой. Так, принудительная коллективизация не только до предела истощила производительные силы деревни, но и фактически затормозила развитие индустриализации.

Если власть устояла в 1930-х годах, то не благодаря сталинскому руководству, а вопреки ему. Победа Сталина и возглавляемой им бюрократии в гражданской войне с крестьянством объяснялась тем, что рабочий класс противился реставрации капиталистических отношений, к которой неминуемо привела бы победа «русской Вандеи», и поэтому поддерживал бюрократию в ее конвульсивной борьбе с крестьянскими массами. Кроме того, в эти годы город относительно слабо чувствовал репрессии, обрушивавшиеся преимущественно на сельское население. Наконец, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что именно в этот период Сталин формировал социальную опору своего режима в лице привилегированных слоев, к которым, помимо правящей бюрократии, относились рабочая аристократия и верхушечная интеллигенция.

Анализируя причины и последствия победы Сталина над левой оппозицией, Троцкий писал: «Здесь, несомненно, сказалось маневренное комбинаторское искусство Сталина, правда, в очень благоприятной для него лично обстановке. Он использовал правую для исключения левой оппозиции, ибо только у правого крыла были серьезные

принципиальные основы бояться левой политики. Но так как исключение левой оппозиции вызвало в широких кругах партии раздражение, недовольство правым крылом, то Сталин сумел использовать это недовольство для удара против правых. Он все время оставался если не примирителем, то умиротворяющим элементом, который будто бы стремился свести к минимуму неизбежные жертвы и который сумел при этом возлагать ответственность за суровые меры на то или другое крыло партии»².

СТАЛИН ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

Начало массовых ударов по левой оппозиции относится к XV съезду партии. Получив соответствующий «мандат», сталинский аппарат сразу же после съезда начал осуществлять против левой оппозиции санкции, далеко выходящие за пределы, предоставленные этим «мандатом». Если с XIV съезда по 15 ноября 1927 г. (т. е. почти за два года) из партии было исключено 970 оппозиционеров, то за последующие 2,5 месяца — 2288 (в том числе 1494 чел. за последние две недели 1927 года). Только в Москве за «фракционную работу» было исключено 816 человек. Среди исключенных рабочие по социальному положению составляли 46,9 %, по роду занятий — 36,4 %. Доля рабочих в составе исключенных в Ленинградской области доходила до 68 %, на Украине — до 66,3 %³.

Большая часть исключенных была направлена в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку ссыльным предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они были обязаны регулярно являться для регистрации в местные органы ГПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 руб., которое в 1929 году было вдвое уменьшено. Обеспечение ссыльных работой возлагалось на партийные органы в местах ссылки.

Судьбой наиболее видных оппозиционеров распоряжался отдел учета и распределения кадров ЦК ВКП(б). Переговоры с ними вели председатель ЦКК Орджоникидзе и секретарь ЦК Косиор, заявившие о невозможности оста-

вить лидеров оппозиции в Москве и крупных промышленных центрах и сохранить у членов их семей занимаемые ими квартиры.

12 ноября 1927 года одновременно с Зиновьевым был исключен из партии Троцкий. Дальнейшие их судьбы, впрочем, отличались. Если Зиновьев предпочел публично покаяться в «ошибках», Троцкий наотрез в чем-либо каяться отказался. 14 ноября 1927 года Троцкий был выселен из служебной квартиры в Кремле и остановился у своего сторонника Белобородова А. Г. 18 января 1928 года Троцкий был силой доставлен на Ярославский вокзал Москвы и выслан в Алма-Ату, причем сотрудникам ГПУ пришлось нести Троцкого на руках, так как идти он отказался. Кроме того, по воспоминаниям старшего сына Троцкого Льва Седова, Троцкий с семьей забаррикадировались в одной из комнат, и ГПУ пришлось выламывать двери. По воспоминаниям самого Троцкого, его выносили на руках три человека, «им было тяжело, все время невероятно пыхтели и часто останавливались отдыхать». По воспоминаниям Льва Седова, сразу же после отправки поезда Троцкий является к конвою и заявляет, что «не имеет ничего против них, как простых исполнителей», а «демонстрация имела чисто политический характер...»

Репрессии подхлестнули отход от оппозиции ее наименее устойчивых членов. Из 3381 чел., подавших заявления об отходе от оппозиции, 37 % сделало этот шаг за период от XIV до XV съезда, а 63 % — за последующие два с половиной месяца. В феврале такие заявления подписали еще 614 человек. Это было связано с тем, что после съезда перед оппозиционерами была поставлена жесткая дилемма: либо «порвать с оппозицией» и сохранить привычный образ жизни, нередко в рядах правящей бюрократии, либо обречь себя на жестокие условия отдаленной ссылки.

Часть «отходивших» от оппозиции заявляла, что порывает с ней и организационно и идейно, т. е. отказывается от своих взглядов. Другая часть заявляла, что прекращает фракционную работу, но не может отказаться от защиты своих взглядов в рамках Устава партии (хотя малейшие попытки такой «защиты» были заблокированы решениями XV съезда).

Первым из оппозиционных лидеров «порвал с оппозицией» Сокольников, который на XV съезде заявил, что уже несколько месяцев назад он «должен был разойтись с оппозиционным блоком» в силу коренных разногласий с ним⁴. За этот шаг Сокольников был оставлен в составе ЦК, избранного на XV съезде.

Вслед за Сокольниковым аналогичный шаг совершили другие лидеры зиновьевской части оппозиционного блока, которые еще до съезда предложили группе Троцкого безоговорочно подчиниться любым его решениям. Свою готовность к капитуляции они мотивировали тем, что в противном случае оппозиция встанет на путь «построения второй партии» и тем самым обречет себя на гибель. Троцкий и его группа расценили такую позицию как предательскую.

Во время работы съезда зиновьевцы собирались отдельно от троцкистов, подготавливая заявление о прекращении защиты своих взглядов. Всякое иное поведение, как они подчеркивали, «неизбежно столкнет нас даже не с партией, а с советской властью, ее органами», т. е. обречет на жестокие (по тем временам) репрессии. Внутри зиновьевской группы такая капитулянтская позиция встретила сопротивление ее «левой» части во главе с Сафаровым.

Обострение раскола между троцкистской и зиновьевской частью оппозиционного блока произошло после публикации «Правдой» перехваченных ГПУ писем Троцкого

своим единомышленникам в СССР и за рубежом. Эти письма были опубликованы в сопровождении редакционной статьи под названием «Подрывная работа троцкистов против Коминтерна. Пособники Шейдемана за работой», где публикуемые документы характеризовались как свидетельство того, что «ни на один день после съезда бывшие оппозиционеры-троцкисты не прекращали своей грязной антипартийной и антикоминтерновской работы». Статья, по-видимому принадлежавшая перу главного редактора «Правды» Бухарина, была пересыпана выражениями типа «возглавляемый Троцким обоз политических нечистот».

В публикуемых письмах говорилось об измене Зиновьева и Каменева и необходимости беспощадного разрыва оппозиции с капитулянтами. Троцкий призывал своих зарубежных сторонников поднять широкую политическую кампанию против исключения из всех партий Коминтерна коммунистов, близких к левой оппозиции, и против ссылки советских оппозиционеров. Он выдвигал задачу «окончательно разоблачить шарлатанство борьбы с “троцкизмом”, характеризуя эту борьбу как “преступно нелепую”». Перед зарубежными коммунистами ставилась цель: «бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себе СССР»⁵.

Спустя несколько дней Зиновьев и Каменев поместили в «Правде» «Открытое письмо», в котором вновь подтвердили, что полностью подчинились всем решениям съезда, «капитулировали перед ВКП(б)» и в результате этого порвали с группой Троцкого и со своими единомышленниками в Германии (группа Рут Фишер — Маслова). В доказательство «органичности» этих своих поступков они заявляли, что еще в 1926–27 годах внутри объединенного оппозиционного блока шла внутренняя борьба и что даже в период своего участия в блоке они «не считали возможным разоружение против ошибок троцкизма»⁶.

В ответ на эти утверждения Троцкий опубликовал в оппозиционном «самиздате» свидетельства о том, что Зиновьев и Лашевич на фракционных совещаниях и в беседах с ленинградскими рабочими признавали, что «троцкизм» был выдуман ими в 1924 году в целях борьбы за власть. Троцкий подчеркивал, что «борьба с так называемым “троцкизмом” есть тот крючок, при помощи которого Сталин тянет Зиновьева, а Зиновьев — своих “левых” (Сафарова и пр.)».

В 1928 году лишь незначительная часть группы Троцкого последовала примеру зиновьевцев. Первым среди этой группы заявил о своей капитуляции Пятаков. Вслед за этим в «Правде» были опубликованы заявления Крестинского и Антонова-Овсеенко о разрыве с «троцкистской оппозицией». Заявление Крестинского было относительно сдержанным. Он писал, что никогда не имел с оппозицией «организационной связи», хотя и был связан с большинством ее руководителей «давнишними и тесными отношениями». Более постыдный характер носило заявление Антонова-Овсеенко, который выражал сожаление по поводу того, что «не сделал всех необходимых выводов уже из... первого своего расхождения» с Троцким в 1915 году, и заверял, что теперь осознал правду «лично» Сталина⁷.

9 мая Троцкий разослал своим единомышленникам письмо, в котором подчеркивал, что принципиальная позиция подлинных оппозиционеров не допускает «никакой дипломатии, лжи, развращающего политиканства в духе Зиновьева — Каменева — Пятакова, себялюбиво чиновничьего, насквозь безответственного, понтие-пилатского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкательства в духе Антонова-Овсеенко. Об этом, впрочем, незачем и говорить. Мы должны сказать правду, только правду, всю правду».

В 1928 году Сталин и полностью солидаризировавшиеся с ним в отношении к «троцкистам» бухаринцы не решались идти на заточение оппозиционеров в тюрьмы и концентрационные лагеря. Атмосфера в партии еще не была такой, чтобы можно было даже помыслить о более строгой мере репрессии к инакомыслящим коммунистам, чем временная ссылка. В ссылке колониях оппозиционеры устанавливали связи с сочувствующими из числа местных жителей, объединялись в кружки, в которых обсуждали политические события в СССР и за рубежом, вели активную переписку со своими единомышленниками в других колониях. Чтобы избежать перлюстрации агентами ГПУ наиболее важных документов, была налажена секретная почта, т. е. отправление конспиративных писем с нарочными.

Цементирующей силой всей этой деятельности был, разумеется, Троцкий. За апрель — октябрь 1928 года им было послано из Алма-Аты около 550 телеграмм и 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ, получено около 1000 писем и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Уже эти цифры дают представление о масштабе деятельности оппозиции и числе вовлеченных в нее лиц.

Из ссылки документы Троцкого и других оппозиционеров проникали на волю, где их единомышленники создавали подпольные группы, в которые принимались только коммунисты, в том числе подписавшие заявления о капитуляции, с тем чтобы избежать исключения из партии и ссылки и продолжать нелегально оппозиционную работу. По свидетельству Авторханова, большинство оппозиционеров, заявивших о разрыве с оппозицией, сделало это для того, чтобы на деле продолжать борьбу за свои идеи. «Троцкисты этого толка были во всех звеньях органов государственного управления, за исключением самого пар-

тийного аппарата и органов политической полиции»⁸. Оппозиционеры создали свой «Красный Крест», собиравший средства для помощи изгнанным с работы и высланным товарищам.

Оппозиционные группы развешивали пропаганду среди рабочих путем систематического распространения прокламаций и листовок, в том числе статей и обращений за подписями Троцкого, Муралова, Мрачковского и других ссыльных лидеров оппозиции. Перепечатанные на гектографе, такие документы имели хождение и в среде беспартийной интеллигенции, часть которой сочувствовала взглядам оппозиции⁹.

Высылка Троцкого из СССР

Для того чтобы полностью изолировать Троцкого от его единомышленников, ГПУ с октября 1928 года внезапно прервало всю его переписку с соратниками, друзьями, родственниками. Даже письмо из московской больницы от безнадежно болевшей дочери, исключенной из партии, Троцкий получил спустя 73 дня после его отправки, и ответ уже не застал ее в живых.

26 ноября Политбюро, обсудив вопрос «О контрреволюционной деятельности Троцкого», поручило ОГПУ передать Троцкому ультиматум о прекращении им всякой политической деятельности. С этой целью в Алма-Ату был направлен уполномоченный секретно-политического отдела ОГПУ Волынский, зачитавший Троцкому меморандум, в котором сообщалось, что у коллегии ОГПУ имеются данные о том, что его деятельность «принимает все более характер прямой контрреволюции» и организации «второй партии». Поэтому в случае отказа Троцкого от руководства «так называемой оппозицией» ОГПУ «будет поставлено в необходимость» изменить условия его содержания, с тем чтобы максимально изолировать его от политической жизни¹⁰.

Троцкий ответил на этот ультиматум письмом в ЦК ВКП(б) и Президиум Исполкома Коминтерна, в котором, в частности, говорилось: «Теоретический разум и политический опыт свидетельствуют, что период исторической отдачи, отката, т. е. реакции, может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР в условиях нарастающей ре-